

Турция: Эрдоган под колпаком у транснациональных неолибералов

Кому выгодно демонизировать понятие «популизм»

Прислушиваясь к эху звонкой пощечины, полученной президентом Турецкой республики на региональных выборах (см. [«Эрдоган потерял Анкару, но отвоевал Стамбул»](#), №5(140), 2019), идеологи глобалистских построений принялись с понятным злорадством фантазировать о скором, а то и скоропалительном уходе с авансцены неудобного по причине своей независимости политика.

А потому снова принялись листать доклад, взятый из «Базы данных по глобальному популизму» (Global Populism Database), который составили и пустили по миру 7 ноября 2018 года два эксперта, Джордан Кайл и Лимор Гултчин (Jordan Kyle и Limor Gultchin).

Обе учёные дамы работают в Институте за глобальные перемены (Institute for Global Change), основанном Тони Блэром, британским премьер-министром с 1997 по 2007 год. Тем самым, что обманул парламент и свой народ утверждением, будто бы иракский диктатор Саддам Хусейн обладает ядерным оружием и в течение 30 минут способен пустить его в ход, чтобы обрушить апокалиптические «огонь и ярость» на головы добропорядочных островных граждан.

Названные институтские дамы проанализировали 728 речей 138 государственных деятелей – президентов, канцлеров и первых министров в 40 странах, и пришли к выводу: среди «популистов» (расшифруем этот противоречивый термин позднее) правого толка Реджеп Тайип Эрдоган сегодня не знает себе равных.

Ранее звучал и иной приговор: по степени приверженности популизму Эрдоган, который, цитирую ультралиберальную газету «Гардиан», «трансформировался из премьера-реформиста в авторитарного президента», сопоставим с бывшим венесуэльским лидером Хуго Чавесом, располагавшимся, правда, не на правом, а на левом крае политического спектра.

«Эрдоган придумал популизм XXI века», – утверждает Сонер Джагаптай, выпустивший книгу «Новый султан: Эрдоган и кризис современной Турции». По разумению этого автора, карьера Эрдогана «показывает, какое влияние может оказать один человек на целую страну» (“His career shows the extraordinary effect one person can have on an entire country”).

Контент-анализ речей Эрдогана во время первого срока премьерства показывает, что выбор мыслей и стилистики ничем не отличал его от западных коллег. Звучали привычные для уха и восприятия тех же европейских граждан тезисы. Например, на международном симпозиуме в 2004 году Эрдоган постулировал: «Никто не должен пытаться изменить общество сверху» (“Nobody should try to shape society from the head of the table”).

Там же Эрдоган заявил: «Демократия означает диалог, терпимость и примирение. Вместо той своеобразной демократии, что существует у нас в Турции, нужно утверждать плюрализм, гармонию и толерантность» (“Democracy is a dialogue of tolerance and reconciliation. Instead of the peculiar democracy we currently have in Turkey, pluralism, harmony and tolerance must be established”).

Исследователи из Института за глобальные перемены считают, что уровень популизма в речах Эрдогана того времени не превышал аналогичные показатели в публичных выступлениях французского президента Жака Ширака и... британского премьера Тони Блэра.

«Мастер приготовления донер-кебаба»

Присягая тому, что в соседней стране именуют «европейским выбором», турецкий реформатор начал постепенно избавляться от чрезмерного влияния высшей офицерской касты, воспринимавшей себя как гаранта не только светского характера государства, но и политической стабильности, подрывавшейся медленно разъедавшей правящие верхи коррупцией и непрофессионализмом. Военные путчи были частым явлением. Но армия сохраняла высокий кредит доверия. Эрдоган ополчился против людей в погонах, называя их опять же коррумпированными и злонамеренными.

После триумфальной виктории на референдуме, проведённом 12 сентября 2010 года, Эрдоган взялся за активистов подпольной ультранационалистической организации «Эргенекон», состоявшей из видных фигур внутри вооружённых сил и органов безопасности. Их обвинили в попытке путча, в намерении запретить эрдогановскую Партию справедливости и развития (ПСР), а самого его извести (см. [«Эрдоган загоняет генералитет в угол»](#), №9(47), 2010).

За неделю до референдума Эрдоган на массовом митинге в Стамбуле обвинил военных в том, что они якобы хотели «задушить волю народа», и что они командуют гражданами, хотя армии нужно быть слугой народа. Принятые законодательные акты и основанные на них действия органов исполнительной власти окончательно поставили военную верхушку под гражданский контроль.

Стоит заметить, что референдумы 2007 и 2010 годов позволили, по крайней мере, законодательно демократизировать систему: расширены гражданские права трудящихся и женщин, более совершенным стало формирование органов представительной власти. Но одновременно нарастало давление на светские первоосновы, консервативные мусульманские круги стали энергичнее продвигать свою повестку дня, что воспринималось многими как ползучая исламизация.

На следующем витке своего восхождения к «султанскому статусу» Эрдоган после убедительной победы на выборах 2011 года с балкона штаб-квартиры ПСР возгласил: «Тирания элит закончилась». Символично, что в следующей фразе он подчеркнул: Турция «перевернула страницу», чтобы избежать правления «преступников, которые отвергли волю Аллаха и волю народа» (“criminals whose direction has split from God’s will and the will of the people”).

«Эрдоган подобен мастеру приготовления донер-кебаба, – такую метафору предлагает политолог Сонер Джагаптай. – Он нас заманил, а затем решительно и методично стал обрезать демократию, снимая, когда это становилось возможным, слой за слоем с либеральной и светской Турции» (“He lured us in, and then worked steadily and methodically, taking just thin slices off Turkish democracy at a time, removing a layer of liberal, secular Turkey every time he could”).

Резкое нарастание «популистского» пафоса в речах Эрдогана случилось, считают учёные дамы британского Института за глобальные перемены, после того, как он был избран президентом в 2014 году (см. [«Турция: постдемократия по Эрдогану»](#), №5(87), 2014). Неудавшаяся попытка государственного переворота в июне 2016 года, предполагавшая физическое устранение Эрдогана, существенно повысила и подозрения в отношении истинных мотивов Запада в целом, и градус жёсткой риторики.

Если учесть, что чисто арифметически большинство граждан Турции воспринимают своего президента как «главного защитника» (по выражению «Гардиан» - “country’s defender-i-chief”), то мальчик, рождённый в бедняцких кварталах убогого стамбульского района Касымпаша, ставший ныне сильной фигурой на внутренне- и внешнеполитической шахматной доске, так просто не сдастся.

Популисты правильные и неправильные

Термин «популизм» произошёл от латинского слова *populus*, что означает «народ», и означает, по одному и определений, «политическую позицию или стиль риторики, апеллирующие к народным массам». Социолог Сеймур Мартин Липсет, выходец из семьи евреев-иммигрантов из России, считающийся одним из основоположников теории модернизации, называл популизм формой выражения беспокойства и негодования тех, кто хотел бы вернуться к более простому образу жизни, существовавшему до начала всевозможных революционных перемен.

Ранее по умолчанию также подразумевалось, что популизм есть способ «понравиться толпе», например, когда во время предвыборной кампании кандидат раздаёт обещания, заведомо невыполнимые ни при каких условиях. Это своего рода «игра на или заигрывание с публикой», расчёт на невзыскательность полуграмотной «галёрки», площадного плебса, иными словами – заведомый обман.

Сегодня те, кого клеймят «популистами», такие как венгерский премьер Виктор Орбан или один из лидеров Лиги, министр внутренних дел Италии и одновременно заместитель премьер-министра с 1 июня 2018 года Маттео Сальвини, не только изрекают крамолы, в представлении либерал-глобалистов, но и практикуют то, что они проповедают (*practice what they preach*).

Обратимся к энергичной демонизации термина «популизм» неолибералами. Взглянем с позиции формальной логики. Где та слабо уловимая грань между хорошим популизмом, когда избранник, облечённый властью, в своих речах и поступках «апеллирует к народным массам», и плохим? Во втором случае, если читать между строк разъяснений лондонской газеты, видимо, подразумевается, что политик проводит курс, не укладывающийся в жёсткие рамки либеральных догм, исповедуемых в том числе и «Гардиан».

Все звучные проклятия в адрес чужеземных выбранных высших должностных лиц и их электората, то есть рядовых граждан, не разделяющих фундаменталистское учение неолибералов, известны наперечёт. Их скрупулёзные бухгалтеры отслеживают, регистрируют и анализируют любые высказывания зарубежных политиков, не укладывающиеся в прокрустово ложе псевдолиберальных догм.

Не щадят даже большого буржуина, ставшего президентом США. Обвиняют его во многих смертных грехах (подчас справедливо), но умалчивают, что Трамп неугоден им в первую очередь потому, что разрушает монополию транснациональной финансовой олигархии и делает ставку на традиционные ценности, в том числе на прагматичный американский «изоляционизм», что вовсе не означает автаркии, а лишь отказ от империалистических авантюр за морями.

Не менее показательное остервенение выказывают адепты неолиберализма, когда речь заходит о страновых лидерах, идущих в противоход их усилиям по подстрижению всех под одну гребёнку, когда поверх, а то и вместо суверенитета навязывается диктат никем не выбранных, никому не подотчётных, наднациональных безликих бюрократов, подчиняющихся одной власти – власти денег.

Президент Турецкой республики относится именно к таким неудобным для неолибералов лидерам, кто защищает суверенитет и отвергает нивелирующие ценности казарменной по своей сути глобалистской модели мироустройства.

Существует немало доказательств косвенного соучастия американских неоглобалистов в попытке насильственного свержения летом 2016 года, притом чужими руками, этого неуступчивого Эрдогана. И не случайно, что во время празднования 70-летия НАТО в Вашингтоне хозяева саммита неоднократно пеняли туркам, что те-де отбились от рук, позволяют себе не слушаться, когда им велят отказаться от закупок российского ЗРК С-400, своевольничают.

В ответ глава турецкого МИДа Мевлют Чавушоглу резонно возразил: «Мы работали с Россией, как многие другие союзники НАТО, однако это не значит, что мы подрываем Североатлантический альянс... Ни Запад, ни Россия не должны заставлять нас выбирать между ними. Такое сделали с Украиной, и посмотрите, что произошло». Эти не самые плоские аргументы, как и следовало ожидать, не нашли понимания у звёздно-полосатых. Среди них сохранилось немало ветеранов холодной войны, готовых с большевистской прямоотой рубить с плеча: кто не с нами, тот против нас...

Следовательно, можно не сомневаться: дипломатическое давление со стороны коллективного Запада на Турцию при Эрдогане не ослабнет. Попытки использовать секту Гюллена для дестабилизации положения внутри страны будут продолжены. Не исключено, что искушение сыграть на недовольстве отдельных страт и слоёв общества будет и дальше побуждать «глубинное государство» в США, имеющее собственную «повестку дня» и видение того, каким должен быть этот мир, строить козни и «ковать ковы» для свержения «популиста», проводящего самостоятельную и независимую внешнюю политику без оглядки на Запад.

Сегодня именно сбережение суверенитета служит фактором для возвращения взаимопонимания между Турцией и Россией, что отмечает аналитик Петр Акопов на страницах газеты «Взгляд». Цитата: «Турецкий поток» и поставки С-400 – два главных символа российско-турецкого сближения. Выдержавшего проверку даже такими провокациями, как уничтожение Су-24 и убийство посла (см. [«Турция: кто стоит за убийством посла Карлова?»](#), №1-2(137), 2019). Россия и Турция нужны друг другу для достижения совершенно конкретной цели – усиления самостоятельности страны и обретения ею большего геополитического веса».

При всех многочисленных различиях в убеждениях, да и в стилистике поведения и речей, Владимир Путин и Реджеп Тайип Эрдоган, по классификации регистраторов антиглобалистских проявлений, в том числе и газеты «Гардиан», относятся к «популистам». Но относятся именно к хорошим, к правильным популистам.

Владимир МИХЕЕВ